

ББК 63.(2РЗ)я43+63.5(2Р31)+79.1

63.3(2РЗ)

К90

**XVII век в истории и культуре Русского Севера.** Материалы XII Каргопольской научной конференции (14-16 августа 2012 г.) / Науч. ред. Н.И. Решетников; Сост. Н.И. Тормосова. Каргополь, 2012. 400 с. + ил. ISBN 978-5-91378-062-1.

Настоящий выпуск подготовлен по материалам XII Каргопольской научной конференции, состоявшейся в Каргополе 14-16 августа 2012 г. Она была посвящена 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов защитниками Каргопольской крепости. На конференции обсуждены проблемы: «Русский Север в Смутное время», «Социально-экономическое и культурное состояние северных городов и сельских территорий», «Русская православная церковь в жизни средневекового общества».

Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ  
(проект №12-11-29500, тип - г(р))

*Научное издание*

Редколлегия: *И.В. Онучина, Н.И. Решетников,  
Л.И. Севастьянова, Н.И. Тормосова.*

Компьютерная вёрстка: *Л. Валевина*

Печать: *ОАО «Северодвинская типография»,  
164521, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Южная, 5.*

Тираж 300 экз. Заказ № 7003.

ISBN 978-5-91378-062-1

© Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2012

## Содержание

От редакции .....	6
<i>Васильев Ю. С.</i> Европейский Север Московского государства в борьбе с польско-литовской интервенцией в начале XVII века .....	9
<i>Мильчик М. И.</i> Деревянные крепости Колы и Холмогор в системе обороны Поморья конца XVI–XVII веков .....	20
<i>Кукушкин И. П.</i> Вологодская крепость в начале XVII века .....	33
<i>Варакин Е. П.</i> «Шведская осада Тихвинского посада 1613 г.» Особенности архитектурно-градостроительных комплексов XVI–XVII вв. – четырёх монастырей посада. К топографии военных действий в Нагорном Обонежье и Тихвине. Архивные и натурные исследования .....	39
<i>Титова А.А.</i> «Шведское разорение» и культурно-исторический ландшафт Тихвинского края .....	44
<i>Виноградова Е. А.</i> Икона «Собор Всех Святых» 1613 года из Каргополя и ее заказчик Алексей Иванович Зюзин .....	51
<i>Ермолаев Д. А., Никонов С. А.</i> Храмовые строения Кольского острога в конце XVI–XVII веках .....	59
<i>Севан О. Г.</i> Культовая деревянная архитектура XVII–XIX вв. в системе поселений Русского Севера (к постановке вопроса) .....	67
<i>Бодэ А. Б.</i> Деревянные поонежские храмы XVII века. История, архитектура, современное состояние .....	77
<i>Шургин И. Н.</i> Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба ...	85
<i>Шаповалова Л. Г.</i> Неизвестные деревянные храмы Верхнего Подвинья .....	94
<i>Мелехова Г. Н.</i> Каргопольские монастыри в XVII веке .....	103
<i>Иванов В. И.</i> Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Васьянова Строкина пустынь) в XVI–XVII веках .....	112
<i>Пятницкая Т. Н.</i> Благовещенская церковь Троицкого Зеленецкого монастыря и церковь Рождества Богородицы Каргополя .....	125
<i>Адаменко О. Н.</i> Организация островного пространства Спасо-Каменного монастыря в XVII в. ....	130
<i>Кутукова Е. С.</i> Свято Александро-Ошевенский монастырь: вчера и сегодня .....	142
<i>Захарова Е. В., Муллонен И. И.</i> Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья .....	146

### Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья<sup>1</sup>

Восточное Обонежье, охватывающее восточное побережье Онежского озера, Водлозерье, Пудожье и объединяющееся в единый ареал по многочисленным данным археологии, истории, этнографии и фольклористики с примыкающим к нему с востока Архангельским Каргопольем<sup>2</sup>, представляет собой западную окраину Русского Севера – зону, культурные традиции которой сформировались в ходе русского освоения «чуждских» территорий с последующим обрусением местной чуди на фоне политического и экономического противостояния Новгорода и Москвы. Это нашло отражение в русских говорах и топонимии данного региона, субстратный компонент которого определен исследователями как прибалтийско-финско-саамский (А. М. Шёгрэн, М. Фасмер, А. И. Попов, А. К. Матвеев и др.).

Основными источниками материала для настоящей работы стали данные Научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, материалы НАРК (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), опубликованные и картографические источники.

Восточное Обонежье – это русская территория, сложившаяся вдоль исторических транзитных водно-волоковых путей из Онежского озера в Белое море, а также из Онежского озера в Заволочье, по которым вслед за прибалтийско-финским (вепским) населением продвигались новгородцы, ассимилируя местное население и одновременно являясь неким препятствием для карельской экспансии на восток<sup>3</sup>. Надо полагать, что основной массив карельской топонимии сложился здесь достаточно поздно, в результате притока карельского населения, пришедшего из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда и позже растворившегося в русской среде.

Шведские власти препятствовали массовому оттоку населения с территории Карельского уезда, поэтому, с целью скрыть от них перебежчиков, карелам запрещалось жить в пограничных уездах, а воеводе поручалось отсылать их к Москве, на Белоозеро, на Вологду и в другие отдаленные от границы места. Карелы селились в монастырских владениях Белозерского края и Двинского уезда, уже в 20-х годах XVII века они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдаленном

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №12-04-12009).

<sup>2</sup> В данной работе рассматривается территория, входившая в состав Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии, в настоящее время охватывающая Пудожский район Республики Карелия, Каргопольский район и юго-западную часть Плесецкого района Архангельской области.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Муллонен И.И. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепского контактирования // *Karelia written and sung. Representations of locality in Soviet and Russian contexts. Aleksanteri Series*, 3/2010. С. 25.

северном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине<sup>4</sup>. Исследуемый нами регион не входит в означенный список мест переселения карелов, но граничит со многими описываемыми выше территориями, из чего можно предположить, что и Восточное Обонежье было затронуто карельским переселением. Подтверждением этому может также служить вывод А.К. Матвеева, исследовавшего топонимию смежной с Каргопольем нижнеонежской территории и доказавшего ее карельские истоки, о том, что заселение данного района происходило из разных мест – из северной Карелии, скорее всего, морем, и Обонежья, при этом севернокарельский компонент распространился на южное Поморье и низовье Онеги, тогда как переселенцы из Обонежья осваивали только Онегу и ее притоки<sup>5</sup>. Кроме того, в топонимии восточного Обонежья насчитывается достаточное количество карельских «маркеров», которые позволяют говорить о карельской странице в истории рассматриваемого региона.

Так, название одной из бывших деревень Пудожского района, составляющих куст поселений Сума – *Зарубежский След*. «Зарубежскими выходцами» в Лыготной грамоте царя Алексея Михайловича корелям, явившимся в Олонецкий уезд из-за польского рубежа 7173 (1665) года, именуется «кореляне», живущие в Олонецком уезде<sup>6</sup>. *Деревня Карельских Выходцев* обнаруживается на смежной территории – в Вытегорском районе. Кроме того, в микротопонимии (наличие которой уже является показателем довольно позднего освоения территории) Восточного Обонежья неоднократно встречаются названия с этнической основой карел-/корел-: *Карелин лес, Карельский ручей, Карельское озеро, Карельские острова, Карельщина, Карелы, Карельский Конец, Карельская деревня, Подкарельская деревня, Кореловщина, Корелка, Карельский островок, Корелово, Корелова гора*. В документах НАРК находим: *Карельский Бор*<sup>7</sup>, *Большекорельское*, сел.<sup>8</sup>, *Малокорельское*, сел.<sup>9</sup> В списке уполномоченных Ряпусовского общества Кенозерской волости и Сысовского общества Богдановской волости Каргопольского уезда обращает на себя внимание неоднократно встречающаяся фамилия Корелов (более 5 раз)<sup>10</sup>.

В топонимии Восточного Обонежья фиксируется ряд отантропонимных названий, в которых отразились карельские варианты русских православных имен: *Кипров Наволок*, деревня [Шал, Авд], *Кипрово*, бывшая деревня [Арх, Плес], *Кипров мыс*, покос [Арх, Карг], *Кипровское, Кипровские*, угодья [Арх, Карг]: кар. Kipro, Kibro(i), Kibru – рус. Киприан<sup>11</sup>; *Патровская/Патрова*, деревня [Арх, Карг]: кар. Patro(i) – рус. Патрикей, Патракей; *Артово*, озеро: кар. Arto(i), Artto(i)

<sup>4</sup> Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 46, 68.

<sup>5</sup> Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // *Вопросы языкознания* 1989, №1. М.: Наука. С. 84-85.

<sup>6</sup> Чернякова И.А. К вопросу о судьбах «карельских выходцев» в XVII веке (Опыт анализа нового источника). Петрозаводск, 1989. С. 7.

<sup>7</sup> НАРК. Ф. 24. Оп. 11, 1/1. Л. 34.

<sup>8</sup> НАРК. Ф. 24. Оп. 6, 4/36. Л. 9.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> НАРК. Ф. 24. Оп. 6, 4/33. Л. 2, 8, 9, 13, 15; Ф. 24. Оп. 6, 4/34. Л. 44.

<sup>11</sup> Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylänmistössä // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja* 72, 1973. S. 253.

– рус. Артемий, Артем; *Хилкина*, поляна: кар. Hilkka, Hil(k)ko(i), Hil(k)ko(i) – рус. Филипп<sup>12</sup>, *Хомино*, озеро: кар. Нота – рус. Фома<sup>13</sup>.

В названии деревень *Мячево/Мячевская* [Пуд, Пуд,] и *Мячево* [Арх, Карг], возможно, отразился древний карельский антропоним *Меѷсо*, восходящий к кар. *теѷсо* ‘мошник, глухарь’<sup>14</sup>.

Ниже предлагается анализ некоторых названий с карельскими истоками, бытующих в топонимии Восточного Обонежья, ареал распространения которых выходит за пределы рассматриваемого региона, охватывая сопредельные территории, и может, таким образом, маркировать пути расселения карельского населения, принесшего с собой данные модели именования природных объектов.

Тереш или Тереж – продуктивная карельская топонимная основа для называния ручьев, небольших рек, выраженная I причастием актива: *törisijä* ‘журчащий’ от карельского глагола *töristä* ‘журчать’<sup>15</sup>. Мотивом номинации названий данного типа стал громкий звук, издаваемый водой<sup>16</sup>. На исследуемой территории данная основа представлена в нескольких топонимах:

*Тереж*, порог на р. Нижняя Корба; *Тереш/Тереж/Черезжишный*, ручей, впадающий в оз. Кенозеро с восточного берега. Согласно описанию, ручей характеризуется довольно быстрым течением<sup>17</sup>. *Терижий/Терюжейко*, ручей в бассейне оз. Кумбасозеро; *Тережиха/Черезжиха*, река, приток р. Порма. Во всех случаях можно предположить, что основой для называния послужил именно шум воды. Следует отметить, что русский эквивалент названия ручья – *Гремячий/Шумячий* – широко представлен в топонимии Каргополя.

Считается, что представленная топооснова зародилась в приладожской Карелии в начале второго тысячелетия и распространилась вместе с экспансией карел на обширную территорию от Северного Приладожья до Финляндской Лапландии на севере и Белого моря и Онежского озера на востоке<sup>18</sup>. Как видим, следы карельского продвижения на восток вследствие передачи Карельского уезда под власть Швеции в 1617 году отмечаются и в Пудожье, и в Каргополье (Илл. 1).

Еще одна карельская топооснова обнаруживается в названии ручья *Гайжало* [Шал, Авд, Ижгора], в основе которого I причастие актива *haiseva/haisija* от глагола *haista* ‘пахнуть’<sup>19</sup>, т. е. ‘пахучий’. Данная основа, используемая для называния озер, рек, ручьев, родников, мысов и заливов, широко представлена в Южной Финляндии и Северо-Западном Приладожье, откуда распространилась в сторону Сегозерья и Заонежья. Мотивом номинации послужил неприятный запах

<sup>12</sup> Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. 1976. S. 51, 62, 114.

<sup>13</sup> Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. 1975. S. 189.

<sup>14</sup> Karjalan kielen sanakirja. I - V. LSFU XVI. Helsinki, 1968-1997.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Кузьмин Д.В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 306-307.

<sup>17</sup> Дерягин В.Я. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера» Ч. I. Архангельск, 1987. С. 40.

<sup>18</sup> Кузьмин Д.В. Указ. соч. С. 307.

<sup>19</sup> Karjalan kielen sanakirja...



Илл. 1. Ареал карельской топоосновы Törisijä/Тереж

болото *Гульминское*. В Пудожье обнаруживаются следующие топонимы: *Гульмяки*, покос д. Погост, *Юльмяки*, *Лужные Юльмяки*, поля д. Песчаное.

Поскольку данная топооснова используется в наименовании возвышенностей и угодий, расположенных на возвышенных местах, в истоках ее вероятнее всего предположить зафиксированный в говорах Суоярви карельский термин *julmä, julmu* ‘круглая гора, крутой склон’<sup>20</sup>, оформленный суффиксом *-kkö/-kkä* с преобразовавшимся при переходе в русское употребление последним гласным в *-и*, видимо, в результате вхождения топонима в группу географических названий, выступающих в форме множественного числа.

Картографирование позволило определить не только место зарождения и пути распространения данной топоосновы, но и ее возраст. Ареал бытования модели *Julmäkkö* наиболее плотен в северном Приладожье, где отмечается и соответствующий апеллатив, что позволяет говорить о том, что она родилась именно здесь, откуда позже распространилась вдоль путей карельской экспансии на север до Белого моря и на восток до Кенозерья<sup>22</sup> (Илл. 2). Появление данной модели на тер-

<sup>20</sup> Кузьмин Д.В. Указ. соч. С. 307.

<sup>21</sup> Karjalan kielen sanakirja...

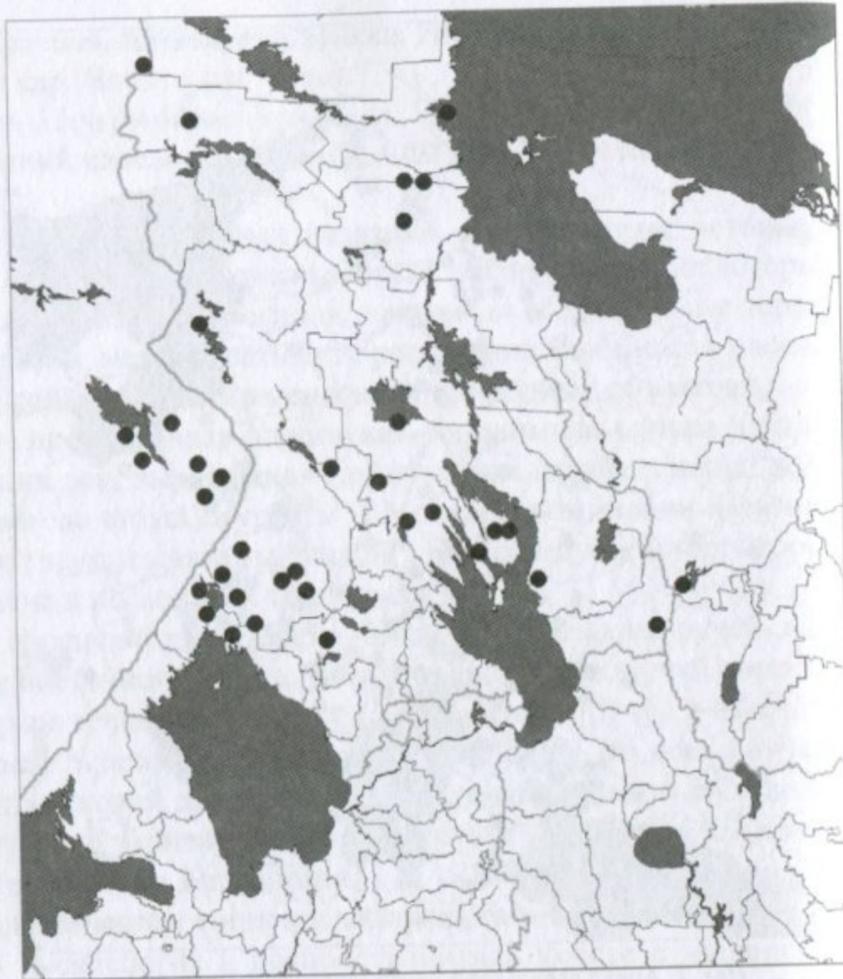
<sup>22</sup> Об этом см.: Муллонен И. И. Указ. соч. С. 22.

воды или почвы, находящейся в стоячей воде<sup>20</sup>.

Примером карельского освоения Восточного Обонежья с территории северо-западного Приладожья является и топонимная основа *Julmä/Julmäkkö* (широко представленная в адаптированном к русскому употреблению виде *Юлмаки/Юльмяки/Гулмаки/Гульмяки* в северном Приладожье и Заонежье), которая, помимо русских районов Карелии, фиксируется в Кенозерье: *Гульмики*, *Под Гульмяками*, поля на возвышенном месте у д. Горбачиха, у этой же деревни находится

ритории Восточного Обонежья (как и на территории осваивавшегося в XVI–XVII веках Заонежского полуострова<sup>23</sup>, где модель *Juilmäkkö* представлена довольно широко), скорее всего, связано с потоком карельского населения и может быть датировано XVI–XVII вв.

На восточном побережье Онежского озера в названиях сельскохозяйственных угодий встречается топоним Кидежи: *Артельны Кидежи, Галашевски Кидежи, Кондрашовские Кидежи* [Шал, Авд, Авдеево]. В данной основе можно предположить утра-



Илл. 2. Распространение карельской топоосновы *Juilmäkkö*/Гульмяки

ченный из людиковского языка и сохранившийся в севернолудиковской топонимии термин подсечного земледелия \**kydeg* (приб.-фин. *kyte-*, люд. *küde-* 'тлеть, медленно гореть') 'пожог': *Küdüine, Küdönnurmed, Küdežma* (ср. также представленные на смежной русской территории топонимы *Кюдега, Кюдежка, Гюдегские/Тюдегские покосы, Тюдегское болото, Тюдеги, Чудеги*). Рассматриваемые «кидежи», скорее всего, являются фонетическим вариантом «кюдеги», т. к. на территории Восточного Обонежья приб.-фин. *i* может передаваться севернорусским и: *Илекса*: основа *iles-* ~ *ileks-*: приб.-фин. *ylä-*, саам. *âlV-* 'верх, верхний' + суффикс *-s*: *-kse*<sup>24</sup>; *Ильма*: восходит, очевидно, к той же прибалтийско-финско-саамской основе, но выступающей в форме превосходной степени *ylimä-* 'самый верхний'; *Кильпога* < \**Külm/pohj*: кар. *külmä* 'холодный, мерзлый', вепс. *külm* 'мерзлый', кар. *pohja* 'дно; дальний угол; конец залива', вепс. *pohj* 'дно'<sup>25</sup>; *Кильручей*: кар. *külmä* 'хо-

<sup>23</sup> Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М.: МГУ, 1962. С. 64.

<sup>24</sup> См.: Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, КарНЦ РАН. 2002. С. 232.

<sup>25</sup> *Karjalan kielen sanakirja*...; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

лодный мерзлый', вепс. *külm* 'мерзлый'<sup>26</sup>. Данную модель можно характеризовать как достаточно позднюю, исходя из ее довольно компактного ареала бытования.

В связи с реконструкцией карельского наследия встает вопрос о его взаимоотношениях с вепсской субстратной топонимией, которая традиционно выделяется исследователями в регионе Восточного Обонежья и считается, в целом, несколько более ранней, чем карельская. В ряде случаев развести вепсскую и карельскую по происхождению топонимию не удастся в силу значительной близости этих родственных языков. Одним из надежных критериев их дистрибуции является фонетический, или звуковой. К четким карельским топонимическим маркерам можно отнести наличие удвоенных согласных, напр., *Леннозеро*, озеро: кар. *leppä* (при вепс. *lep*) 'ольха'<sup>27</sup>; присутствие шипящих согласных (недаром в XIX веке ко всем каргополам из-за особенности их речи, в которой было много шипящих и свистящих звуков, применяли прозвище «шипунь»<sup>28</sup>): *Пачелакша*, залив: кар. *lakši* (при вепс. *laht*) 'залив'<sup>29</sup>; *Першлахта*, залив: кар. *perše* (при вепс. *perze*) 'задняя сторона, задняя часть, задница'<sup>30</sup>; *Тереж*, ручей, порог: кар. *tögišijä* 'журчащий'<sup>31</sup>; *Шалмозеро*, озеро; *Шалмручей*, ручей: кар. *šalmi* (при вепсском *salm*) 'пролив'<sup>32</sup>; сохранение звука *h*, который при усвоении в русское употребление вепсских названий обычно переходит в *г*: *Хабозеро*, озеро: кар. *huaba*, вепс. *hab* 'осина'<sup>33</sup> (ср. *Габозеро*); *Хорменица*, река, угодье: кар. *hogma, hogmu* 'кипрей, иван-чай'<sup>34</sup> (ср. *Горменица*); *Хирбуй*, ручей: кар. *hirvi* 'лось'<sup>35</sup>; *Хижгора*, гора, *Хижлахта*, залив; *Хийостров*, остров на Ундозере: кар. *hiisi*: в косвенных падежах *hiije-* 'леший, черт', впрочем, здесь, видимо, сохранилось первоначальное значение слова 'священная роща, место поклонения предкам', которое постепенно, под влиянием христианства, сменилось на современное. Соответствующая вепсская топооснова усваивалась обычно в виде *Гиж-* (*Гижостров, Гижनावолок* и т. д.). Добавим еще *Харагозеро*, озеро, раздваивающееся на два плеса; *Хараручей*, ручей: кар. *hoaga* 'разветвление, раздвоение'<sup>36</sup>, в подобной ситуации в вепсской топонимии используется слово *sag, saga* 'развилка, разветвление (напр. дороги, реки, ручья)<sup>37</sup>.

В связи с последним примером следует обратить внимание на группу топонимов с основой *Свара*, выступающей в названиях рек, ручьев, озер, болот и уго-

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Дранникова Н.В. Песни о разных по наименованиям деревнях Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии // Кенозерские чтения. Материалы первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск, 2004. С. 55.

<sup>29</sup> *Karjalan kielen sanakirja*...; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ.соч.

<sup>30</sup> *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ.соч.

<sup>31</sup> *Karjalan kielen sanakirja*...

<sup>32</sup> *Karjalan kielen sanakirja*...; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ.соч.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> *Karjalan kielen sanakirja*. I – V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> См.: Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

дий, единичная фиксация – в названии залива, ареал бытования которых располагается на границе Архангельской и Вологодской областей, в Каргополье, а также в Нянском районе Архангельской области: *Свара, Свары, Сварки, Сваровитихи, Сварболото, Свараболото, Сварино, Сварручей, Сварозеро, Сварозерское, Сваркурья, Часвара* и др. Большинство из приведенных объектов характеризуется как развилка, ответвление или, наоборот, место слияния двух рек, ручьев («там недалеко речки сливаются, свариваются»).

Карельские истоки для данной модели были предложены А. К. Матвеевым и позднее Я. Саарикиви: кар. *suaga* ‘разветвление (дерева, дороги)’<sup>38</sup>. Однако прошлое карельское население не могло принести данную модель именования с собой, т. к. картографирование модели *saга/сара* указало на ее отсутствие на территории расселения карелов и, наоборот, – на значительную продуктивность на территории былого и современного расселения вепсов<sup>39</sup>. Модель *Свара*, скорее всего, является результатом карельского освоения вепсской модели *Сара*.

Помимо фонетического критерия, убедительные результаты дает географический, основанный на ареалах бытования топонимических моделей. Если карельские модели распространяются из северного Приладожья и представлены, как правило, в центральной и северной Карелии, вепсские исходят из южного Обонежья, шире – с территории межозерья Ладожского, Онежского и Белого озер. Если карельские модели огибают Онежское озеро с севера, то вепсские – с юга.

В качестве примера дифференцирующей вепсской модели приведем здесь топоним *Palte*, см. вепс. *palte* < \**palteg* < \**palttek* ‘склон, косогор’. Хотя слово известно в определенной степени и карельским говорам, оно не получило распространения в карельской топонимии. Из карты [Рис. 3] явствует, что топоним известен на вепсской, а также смежной ливвиковско-людиковской территории, сформировавшейся в ходе карело-вепсского языкового контактирования. Модель бытует также в русском Обонежье, в том числе восточном, чаще всего в виде *Палтега*, в названиях сельскохозяйственных угодий. В западной части Каргополья, в окрестностях д. Морщихинской наша картотека зафиксировала название поля Палтеги как знак вепсского прошлого территории, тяготеющей по этому признаку к Обонежью. На территории Восточного Обонежья происходит, таким образом, наложение карельских и вепсских моделей, однако исходные их пункты и соответственно конфигурация ареалов разнятся.

Ареальный критерий оказывается существенным и для дифференциации прибалтийско-финской (вепсской и карельской) и доприбалтийско-финской топонимии региона. Эта задача обладает безусловной актуальностью для Восточного Обонежья, в топонимии которого присутствует мощный пласт довепсских названий, ареально связанных с Белозерьем и шире Верхневолжьем, а также с верховьями рек Северная Двина и Онега. Субстратный язык или языки Белозерья трактуются исследователями как финно-угорские, однако более конкретное опре-

<sup>38</sup> *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1-3. SKST 556. Helsinki 1992-2000.

<sup>39</sup> См.: Муллонен И.И. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 12-15.

деление вызывает сложности. В этой ситуации ареальная характеристика может играть роль своеобразного маркера для решения вопроса о языковых истоках топонима. Представим одну древнюю топооснову – Чурша/Чуржа, ареал которой тяготеет к водоразделу Белого озера и рек Онеги и Северной Двины. Топоним популярен в Белозерье, где имеет вид *Чуржа/Чуржи*, иногда *Чуржсватка, Чуржсватые Полосы*, восточнее на Кубенском озере и реке Кубене – *Чурша*. В виде *Чурша* он известен также в смежных районах Архангельской области – на Ваге и верхней Онеге. В этот же ряд входит название покоса *Чурша* д. Труфаново на Лекшмозере. Облик топонима указывает на то, что последний основан на ландшафтном термине, что согласуется с данными лексической картотеки Уральского университета: чуржа (Влг: Бел, Ваш), чурша (Арх: Вель, Кон; Влг: В-Важ) ‘крупный песок, мелкий камешник, гравий’. Семантика термина убедительно подтверждается топонимами, маркирующими уголья с крупным песком и гравием. Центр как лексического, так и топонимического ареала расположен в окрестностях Белого озера, а Каргополье – крайняя северная точка единого ареала. Ареал примечателен тем, что в нем фиксируются многочисленные субстратные топоосновы финно-угорского типа, более точная языковая интерпретация которых вызывает значительные затруднения. Не является исключением и термин чуржа/чурша. С одной стороны, для него возможна прибалтийско-финская этимология, ср. вепс. *šugi, šuur* ‘крупный песок, гравий, дресва’<sup>40</sup>. С другой стороны, однако, предполагается, что вепсское слово является заимствованием, возможно, саамским. Конечный элемент -жа возможно возвести к финно-угорскому суффиксу \*-*ŋše* с диминутивным (уменьшительным) значением, который имеет в саамском виде -š, в прибалтийско-финских языках -(i)se-. В целом вырисовывается слово с некими не вполне определенными прибалтийско-финско-саамскими истоками, за которыми может стоять язык древних довепсских насельников Белозерья и округи. Возвести его напрямую к вепсскому наследию затруднительно не только в силу обозначенных выше этимологических и словообразовательных фактов, но и в связи с ареалом, который нехарактерен для сугубо вепсских топооснов. Последние представлены на путях, соединяющих территории по реке Онеге с бассейном Онежского озера. Здесь на водоразделе известен целый ряд волоков, которые, видимо, использовались и вепсами – традиционным населением Обонежья. Некоторые карты бытования вепсских топонимов указывают на то, что вепсское этноязыковое воздействие могло проникать на Онегу и через верховья Кемы – реки бассейна Белого озера, входившей в прошлом в ареал вепсского расселения, с которой по древнему волоку через Ухтозеро (ср. финно-угорское \**ukta* ‘волок’) попадали на оз. Лаче. Довепсские же модели характеризуются более южным и более восточным ареалом, привязанным к известным крупным волокам между Белым озером в оз. Воже, а также Белозерьем и Подвиньем.

Топонимический материал и его картографирование, таким образом, характеризует Восточное Обонежье как зону активных межэтнических контактов, происходивших на протяжении всего II тыс. н. э. Карельская топонимия пред-

<sup>40</sup> Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ соч.

ставляет собой, видимо, верхний пласт многослойной субстратной топонимии этой территории и восходит ко времени карельских переселений на восток из северного и северо-западного Приладожья XVII века.

#### Список сокращений

Языки и диалекты:

*вепс.* – вепсский

*кар.* – карельский

*люд.* – людиковский

*приб.-фин.* – прибалтийско-финский

*рус.* – русский

*фин.* – финский

Области, районы и сельсоветы

*Авд* – Авдеевский с/с Шальского района

*Арх* – Архангельская область

*Бел* – Белозерский район Вологодской области

*Ваш* – Вашкинский район Вологодской области

*Вель* – Вельский район Архангельской области

*В-Важ* – Верховажский район Вологодской области

*Влг* – Вологодская область

*Карг* – Каргопольский район Архангельской области

*Кон* – Коношский район Архангельской области

*Плес* – Плесецкий район Архангельской области

*Пуд* – Пудожский район Республики Карелия

*Пуд* – Пудожский с/с Пудожского района

*Шал* – Шальский район Республики Карелия

### Понятия о нравственности и идеале в памятниках древнерусской литературы

Мировая литература всегда обращалась к наиболее волнующим темам, сюжетам и образам, а каждая эпоха, в свою очередь, имела свое видение человека, создавала определенные типы героев, идеальные образы. Но в литературе (как и жизни) у каждого свои представления об идеале, о том, каким должен быть человек и как его соответственно воспитать. Один родитель наставляет чадо «угождать всем людям без изъятия», другой советует сыну «копить и умножать копейку»; для отцов бедных, но благородных исстари важнейшей ценностью в жизни являлась честь, её-то они и призывают беречь смолodu. Ну а если обратиться к личностям иного масштаба («высокого полёта»), то и здесь мы встречаем поучительные и интересные примеры. Так, пушкинский романтический самодержец перед кончиной даёт наставления сыну: отменить казни и опалы и тем самым снискать любовь народную, уже за одно это «чернь» его «благословит». Вот, казалось бы, идеальный, гуманный государственный правитель и отец родной для народа. Однако мысль «благодетеля» принимает неожиданный поворот. Борис советует Феодору «со временем и понемногу снова» (курсив мой, – М.Л.) затягивать «державные бразды». Получается, что Годунов не такой уж милосердный и заботливый, каким представлялся в начале романтической трагедии (во время голода он открывает нуждающимся житницы, щедро раздает серебро и золото), власть его построена на страхе и крови, сыну он желает передать бразды правления вместе с политикой «кнута и пряника».

Эти примеры хорошо известны нам по произведениям, которые принято относить к «золотому веку» русской литературы. И благородные герои, и антигерои с полной ответственностью и серьезностью относятся к исполнению духовных наставлений своих отцов. И в итоге общество получает беспринципных молчаливых, которые «блаженствуют на свете», мошенников чичиковых, без устали пускающихся из одной авантюры в другую, или гринёвых, с понятиями о чести и долге, героев духа – самоотверженных правдолюбцев.

Памятникам древности свойственно особое видение человека. Это объясняется тем, что средневековая культура – культура идеала, причем не одного, а двух: мирского, или светского (князя), представленного в учительной литературе, воинских повестях, и церковного (монаха) – в житиях святых, также выполняющих назидательную функцию. Эти идеалы, конечно же, не всегда согласуются с реальным, живым человеком эпохи. Так, Владимир Мономах в своем «Поучении»<sup>1</sup> к детям говорит о том, каким должен быть идеальный князь, хотя сам, может быть, таковым и не являлся (или не всегда); однако он исходит из своего большого жизненного опыта, хочет, чтобы его дети в любых ситуациях оставались людьми благочестивыми и высоконравственными. Своим поучением он стремится укрепить христианские принципы жизни, правила доброй нравственности и благочестия,

<sup>1</sup> Памятник известен в списке, вошедшем в Лаврентьевскую летопись под 1096 г.